

И. И. Колесник

МИХАИЛ БАРГ – ИСТОРИК БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ

В моей профессиональной биографии творчество Михаила Абрамовича Барга занимает особое место. Его работы теоретического характера в определенной мере служили фактором формирования историографического вкуса, культуры мышления и исследования. М. Барг относился к редкому в советской историографии типу историка-методолога. Кстати, его историографический бестселлер «Эпохи и идеи» долгое время был у меня настольной книгой. Мне посчастливилось побывать на докладе М.А. об историческом сознании, прочитанном им 17 июня 1987 г. в Научном совете по историографии и источниковедению при Отделении истории АН СССР. После доклада в разговоре с М.А. я стала задавать вопросы и говорить о его книге «Эпохи и идеи». Очевидно, он был слегка удивлен интересом и, возможно, пониманием ее, близким к авторскому. И в заключение сказал: «Я ставлю вам ‘пятерку’ за такое чтение».

При осмыслении места и роли М. Барга в историографических практиках его времени полезно вспомнить слова историка Лукиана из Самосаты, который говорил, что настоящий историк должен писать не для современников, чтобы они тебя хвалили, а писать для будущих поколений, и от них ждать вознаграждение за свой труд. Словом, историк должен не угождать современникам, а писать для будущего, имея в виду, чего ждать от будущего. Именно так, смеем предположить, и писал М. Барг, ориентируясь на будущее, более чем на современников. Основанием для такого предположения может служить анализ основных теоретико-методологических категорий, которыми оперировал историк. При этом необходимо принять во внимание некоторые обстоятельства. Во-первых, пик творчества М. Барга пришелся на 1980-е годы, которые, по праву, считаются самыми успешными в XX ст. в плане теоретических достижений в науке, философии, социологии, культурологии. Именно в этот период появляется ряд его ключевых работ: «Шекспир и история» (1979); эссе «Историческое сознание как фактор историографии» (1982); «Категории и методы исторической науки» (1984); «Эпохи и идеи. Становление историзма» (1987). Во-вторых, источниковая база

этих и других работ М. Барга поражает не только эрудицией автора, междисциплинарным характером интересов, но, главное, служит таким себе мостиком между отечественной исторической наукой и западной социогуманитаристикой, задававшей тон в формировании нынешних интеллектуальных трендов. Многие из использованных М.А. работ, преимущественно на языках оригинала, были неизвестны или малодоступны рядовому советскому историку 1970–1980-х гг. Речь идет о работах таких видных философов, науковедов, культурологов, историков, как В. Дильтей, О. Шпенглер, С. Тулмин, М. Фуко, К. Леви-Стросс, Ф. Бродель, Ф. Ариес, Ж. Ле Гофф, Мирче Элиаде, А. Блюм и др.

Всю совокупность концептов-идей, которыми оперировал Барг-теоретик, условно можно разделить на две группы: теоретические и методологические. К первой группе относятся категории высокой степени генерализации: «общественное сознание», «историческое сознание», «историческое познание», «социальное пространство», «социально-историческое время». Ко второй – концепты-методы, средства анализа: «событие», «менталитет историка», «историческая память», «диалог культур», «историческая информация», которые имели прикладной характер в различных в историографических практиках. Остановимся подробнее на интерпретации М. Баргом теоретических концептов, дающих пищу для размышлений уже нынешним поколениям историков.

Актуальной остается проблема исторического сознания, его соотношения с категориями «общественное сознание» и «историческое познание». Так в статье «Историческое сознание как фактор историографии» (1982) М. Барг рассматривает историческое сознание как форму общественного сознания, в которой совмещены три модуса времени: прошлое, настоящее и будущее. При этом в широком смысле слова он понимает историческое сознание как мировоззренческую характеристику эпохи, а в узком – как вид историзма или стиль исторического мышления, который и определяет соответствующий ему тип историографии. В монографии «Эпохи и идеи» (1987) М. А. Барг уточняет свои представления об историческом сознании. Полемизируя с Ю. Левадой, историк не склонен сводить историческое сознание к «исторической памяти», так как это «значило бы отождествить его лишь с опытом прошлого, лишая его измерений настоящего и будущего». Более того, в отличие от большинства исследователей М.А. не ставит знак равенства между историческим и общественным сознанием. Он понимает

историческое сознание как структурирующий элемент культуры, в котором отражаются господствующие в каждую конкретную эпоху представления о мире и месте в нем человека. Иначе говоря, историческое сознание он определяет через категорию культуры, как «фундаментальную мировоззренческую характеристику культуры любой эпохи». Таким образом, представления М. Барга об историческом сознании двигались от понимания его как формы общественного сознания, далее фактора/характеристики культуры до определения исторического сознания через понятие «научное мировоззрение». В докладе на Научном совете по историографии и источниковедению при Отделении истории АН СССР (1987), М. Барг определял историческое сознание как форму осознания человеком своего положения в мире, пространстве и времени. Концепт «историческое сознание», с его точки зрения, шире понятия «общественное сознание» (как отражение общественного бытия), так как включает в свою структуру представление о Космосе, земном мире, макро- и микрокосме человека. Вместе с тем он не допускал и полного отождествления исторического сознания с такими понятиями одного ряда, как мировоззрение, мировидение, миросозерцание. Историческое сознание, в трактовке М.А., предстает как субъективный аспект мировоззрения эпохи, как изучение мира через изучающего. Образно говоря, историческое сознание – это мир, пропущенный через человека.

С концептом «историческое сознание» историк связывал понятие «историческое познание». По его мнению, историческое познание или научный метод – это не что иное, как научный уровень исторического сознания. Историческое познание имеет рефлексивную природу, т. е. обладает способностью взглянуть на себя как бы извне, понять и осмыслить самое себя. Одновременно историческое сознание является средой и предпосылкой существования науки об историческом прошлом. Историческое сознание выполняет парадигмальную функцию по отношению к исторической науке. Оно составляет основу стиля исторического мышления, который в свою очередь предопределяет господствующий тип историописания: прагматический рассказ времен античности, средневековая летопись, барочная повесть и, наконец, полная научная история своего отечества. Изменение картины окружающего мира вело к смене стилей исторического мышления: мифологического, провиденциалистского, рационально-прагматического, спекуля-

тивно-раціоналістического, гносеологічного, теоретико-методологічного. Важливішим умовою зміни картини світу, форми історического свідомості і відповідного їй типу історіографії було змінення концепції часу. Важливішою проблемою історического пізнання є проблема соціального часу.

Концепт історического часу займає центральне місце в теоретическому дискурсі М. Барга. В його лексиконі присутствує широкий спектр даного концепта – «час», «календарне час», «соціальне час», «історическе час», «соціально-історическе час», «час історика». Пріжде всього, він звертає увагу на різниця календарного і соціального часу. Календарне (лічильне) час – це кількісна міра руху історії, т.є. кожна епоха має свою тривалість, інтенсивність (ритм), періодичність. Календарне час рівномірно, ритмічно, не знає прискорення, односторонньо, його моменти дискретні. Соціальне час – аритмічно, відносно, в ньому можлива циклічність, повторюваність, воно не тільки накопчується, але і скидається. Соціальне час допускає зупинки, рух назад, переривчність не тільки в формі революцій, але і зміни «носія історії в даній області» (хетти, Карфаген).

Соціальне час стає історическим в епоху Відродження. В результаті «інтелектуального стрибка» відбулося усвідомлення історического значення часу, т.є. ділення календарного часу на історическі епохи. Нове історическе відчуття складалося в усвідомленні особливості своєї епохи і в новому відношенні до інших віків і епох. Значення концепції історического часу складалося в поєднанні трьох модулів часу «прошлоє, теперішнє, майбутнє». Виникає поняття минулого, якого не було в історическому свідомості середньовічного людини, що суттєво ускладнювало розуміння теперішнього. Само поняття Відродження служило зверненням і визнанням минулого. Хоча і не обійшлося, як вважає М. Барг, і без парадоксів. Людям епохи Відродження ближче до духу було час античності, точніше «золотий вік» Риму, ніж період «темних віків». В епоху Ренесансу поряд з поняттям теперішнього, минулого оформляється і поняття світського майбутнього. Свідченням цінності часу стає етика «береження часу», регулювання його відповідно до ритмом особистого, сімейного і громадянського життя. Словом, усвідомлення в епоху

Возрождения различных сторон социального времени: прошлого, настоящего и будущего, в их светском, земном содержании, – было не чем иным, как предчувствием исторического характера времени, связи времен. Однако эта тенденция в трактовке времени оказалась скоротечной, и в этот период возобладала возрожденная традиция античного циклизма. Идея связи времен подменяется понятием Фортуны, Судьбы, в руках которых человеческая жизнь превращается в игрушку времени. Окончательное же оформление концепции исторического времени, считает М.А., произошло в XIX в., идейным стержнем которой становится принцип историзма.

Производной концепта социально-исторического времени у М. Барга выступает категория «хроноструктура». Речь идет о структуре времени – его ритме, направленности развития вверх/вниз, длительности временных циклов, их периодичности. Примечательно, что хроноструктуру он, с одной стороны связывает с формациями, с другой, говорит о специфике хроноструктур национальной истории и отдельных сфер социальности. Совершенно очевидно влияние Ф. Броделя, с трудами которого М. Барг был знаком, и в частности с представлениями об исторической длительности в различных временных пластах прошлого.

Продуктивной представляется мысль М.А. о том, что в конструирование исторического времени входит и смена поколений. Все значение этого феномена – роль и место поколений в процессе формирования ритма истории отдельных эпох, по мнению историка, «до сих пор не получило должной оценки в теории и методологии истории». Генерационная интерпретация исторического процесса сейчас становится особенно популярной, благодаря работам в историописании Х. Ортега-и-Гассета и в социологии К. Маннгейма.

Еще одной составляющей концепции исторического времени М. Барга является проблема «времени историка». Настоящее, по словам М.А., есть «вершина» исторического времени, «познавательный ключ» к истории прошлого. Для историка настоящее выступает «динамическим центром», мостом между прошлым и будущим. Задача историка состоит в том, что, будучи носителем менталитета своего времени, он должен выразить другое время на языке своего времени. Именно в настоящем и происходит «диалог времен». Познавание прошлого происходит в виде диалога с прошлым на «языке культуры» прошлого. Примечательно, что в рамках своего времени, М. Барг воспринимал историка как интерпретатора дошедшей

исторической информации. Запрос современности и состоял в потребности самопознания, иными словами, ориентации в потоке истории. Если в календарном времени событие только фиксировалось, оставаясь постоянным и необратимым, то в историческом времени каждое событие может быть прошлым, настоящим и будущим. С перспективы исторического времени любое событие полихромно.

Итак, историческое время является ключевой мировоззренческой категорией, а также инструментом исторического познания. Тот факт, что М. Барг вообще считал, проблему времени «не решенной проблемой теории исторического познания», открывает новые перспективы и эвристические возможности перед историками будущих поколений.

Понятие социально-исторического времени включает и представление о социальном пространстве. Размышления М.А. о социальном пространстве настолько современны, что создается впечатление, будто он писал не для историков своего времени, а для следующих поколений. Социальное пространство, в его понимании, включает все формы социального взаимодействия в обществе. Как марксист М. Барг признавал и говорил о роли законов в истории, как интеллектуал предчувствовал новое в теории и методологии истории. Законом истории он считал ускорение течения социальных процессов во времени, таким же законом являлся и процесс расширения и уплотнения социального пространства. Расширение социального пространства М.А. усматривал в развертывании панорамы всемирной истории от античного полиса, средневекового удельного княжества и т.д. Уплотнение же социального пространства он не склонен был сводить лишь к густоте сети поселений или их величине. Процесс уплотнения он связывал с «интенсивностью общения», а также «умножением количества связей», в которые в ходе истории втягивались как общественный индивид та и целые народы. В условиях нашего времени эти слова М. Барга вполне коррелируются с новейшими теориями коммуникаций, сетевого общества, сетевой эпохи. Словом, даже такой краткий обзор в рамках данного «круглого стола» концептуального инструментария Михаила Барга дает основания видеть в нем историка будущего времени.

